

ков» (стр. 171—181). Подчеркивая большое значение контактов с русским языком для развития всех функциональных стилей украинского литературного языка, особенно научного и административно-делового, И. К. Белодед пишет: «Основным принципом этих контактов является их двусторонний характер — активное взаимодействие, взаимообогащение, при котором на первый план выступают не непосредственные заимствования, а параллельные процессы в области словообразования, синтаксиса и в других сферах, обусловленные общностью социально-экономической и культурной жизни народов» (стр. 178). Здесь же уточняется, что эти параллельные процессы осуществляются в результате воздействия моделей одного языка, преимущественно русского, на другой.

В разделе 6 «Советский народ, нации, языки» (стр. 182—207) основное внимание автора сосредоточено на разработке вопросов, связанных с взаимоотношением понятий «советский народ как новая историческая общность людей» и «нации и народности в многонациональном социалистическом государстве». После краткого анализа правового и политического положения национальных меньшинств в некоторых капиталистических странах (США, Канаде, Великобритании) проводится сопоставление национальных отношений в капиталистических странах с социалистической действительностью. В разделе освещается характер сближения культур социалистических наций в СССР и взаимодействие их языков, убедительно показывается, что национальные языки в Советском Союзе неуклонно развиваются по своим внутренним законам и вместе с тем обнаруживают постепенно вырабатывающиеся черты общности в определенных компонентах их структуры (в частности, расширение интернационального фонда лексики и фразеологии).

Рассматриваемая в книге И. К. Белодеда социолингвистическая проблематика, непосредственно увязывающая языкознание с теорией научного коммунизма, с ленинской национальной политикой и с практикой коммунистического строительства, требует постоянного внимания советских языковедов. На каждом новом этапе развития общества разработка этой

проблематики должна дополняться и углубляться. Рецензируемая работа представляет заметный вклад и в разработку данной проблематики и в пропаганду важнейших положений советского языкознания, касающихся развития и взаимодействия языков в социалистическом государстве. Автору, несомненно, удалось в доходчивой и даже увлекающей форме осветить основные положения ленинской теории развития наций и национальных языков, изложить главные принципы ленинской национальной политики Коммунистической партии и показать огромные успехи этой политики, достигнутые за полувековой период развития советского многонационального государства. Вместе с тем, в работе содержится ряд новых соображений, способствующих углубленному пониманию таких теоретических вопросов, как вопрос о едином государственном языке и о языках республик в многонациональном социалистическом государстве, вопрос о формах национальной культуры и о языке как одной из этих форм, понятие советского народа в его отношении к понятию социалистической нации и к другим понятиям, подводимым под выражение «народ», и т. д. Все это делает книгу И. К. Белодеда интересной не только для специалистов языковедов и социологов, но и для широкой общественности.

Книга содержит много полезной фактической информации о положении наций и развитии национальных языков не только в Советском Союзе, но и в ряде зарубежных стран. Рассматриваемый в книге фактический материал удачно отобран и довольно тщательно обработан. Как на недосмотр в этом плане следует указать на противоречие между приводимыми в двух разных местах данными о количестве языков народов СССР, на которых издается печатная продукция: на стр. 192 говорится о 89 таких языках, а на стр. 196 — о 75. Отдельные недосмотры допущены в стилистическом и техническом оформлении текста.

В целом книга И. К. Белодеда находится на высоком идейно-теоретическом уровне и, безусловно, заслуживает положительной оценки.

*А. С. Мельничук*

**Ф. П. Филин.** Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — Л., изд-во «Наука», 1972. 655 стр.

Рецензируемая книга является продолжением другого исследования автора<sup>1</sup> и в свою очередь предшествует тру-

<sup>1</sup> Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962.

ду, основной целью которого будет описание литературных восточнославянских языков в их становлении и развитии. Таким образом, мы имеем дело со второй частью своеобразной научной трилогии, посвященной комплексному изучению

ранних этапов изменения восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского. Уже из этого ясно, что вышедшие книги написаны в русле сравнительно-исторического языкознания и в целом совпадают по авторской концепции, а также по отношению к материалу и к предшествующим исследованиям в данной области.

Однако новая работа Ф. П. Филина отличается от предыдущей. Она отличается по методу исследования, который стал более строгим и точным применительно к конкретным фактам, рассмотренным в сравнительном и в историческом, но не в типологическом сопоставлении с однородными, или одновременными, но не однозначными фактами языка; в результате мы получили более глубокую историческую перспективу в изложении материала, чем это было в предыдущей книге — там само членение материала и условности реконструкции позволяли представить скорее систему диалектных несоответствий, чем их неуклонное движение во времени. Новая книга отличается также большим числом диалектных дифференциальных признаков (более 260), с древнейших времен образующих изоглоссы на восточнославянской территории — это рисует более точную территориальную перспективу диалектного членения, показывает изменения языка в пространстве. Обе указанные особенности исследования проявляются в заключительных разделах к отдельным главам, где диалектные признаки рассмотрены и сгруппированы в зависимости от времени их образования.

Синтетичность этой книги не в синтезе как в единственном методе исследования или способе группировки материала. Напротив, элемент анализа здесь преобладает, особенно в описательных разделах. Автора интересуют только те явления языка, которые хотя бы краткое время образовывали на восточнославянской территории изоглоссу — все равно, совпадает ли она с границами современных восточнославянских языков или нет. Все такие особенности проанализированы очень основательно, с критическим изложением существующих точек зрения, с добавлением нового материала, с уяснением временных и территориальных границ распространения той или иной особенности. Именно в этой части работы подчеркивается, что одно и то же явление (например, фонетическое) своими вариациями могло значительно увеличивать число диалектных изоглосс и притом в различные периоды истории языка иметь свою специфику развития и диалектного варьирования. Так, преобразование фонемы *ѣ* на разных синхронных срезах дают совершенно различные изоглоссы и притом не в бинарном противопоставлении (да — нет), а самыми различными вариациями. То же касается реализации безударных гласных и многих других фонетических

особенностей. Все это не просто увеличивает возможности диалектного членения на основе довольно ограниченного числа элементов, но и позволяет подойти к принципиальным вопросам исторической диалектологии.

«...любые диалектизмы... не всегда являются результатом дифференциации исходной единой языковой системы. Имелись диалектизмы, которые древнее этой системы..., такие, которые являются своего рода рубцами, шрамами исчезнувших языковых и диалектных областей» (стр. 469). В работе обнаруживается последовательность диалектного членения, отслаиваются изоглоссы, характерные для разных исторических периодов развития языка; особое внимание обращается на те явления, которые лишь краткое время создавали изоглоссу и теперь не оставили никаких следов своего существования. На восточнославянской территории к числу таковых относятся: этапы утраты редуцированных (стр. 220), смягчение заднеязычных (стр. 307), некоторые этапы изменения *ѣ* в связи со вторичным смягчением согласных (стр. 205), оглушение звонких согласных (стр. 335), развитие категории одушевленности в формах ед. числа (стр. 402) и т. д. Недостаток прежних работ по исторической диалектологии Ф. П. Филин справедливо видит в стремлении схематизировать сложный процесс диалектного членения, представить его в ограниченных попарных противопоставлениях, как это сделано, например, у Н. С. Трубецкого: «для этой схемы характерно сведение фактов к заранее созданной „модели“, а не выведение из фактов истины» (стр. 54). Бинарный характер оппозиций языковой системы Н. С. Трубецкой (а вслед за ним Т. Лер-Сплавинский и Р. И. Аванесов, см. стр. 64) автоматически распространил на диалектные зоны, тем самым совмещая систему языка и диалектную систему.

Существенным вопросом исторического языкознания является вопрос о причине изменений. Ф. П. Филин, естественно, не оставляет его в стороне, но, в соответствии с целями своего исследования, рассматривает этот вопрос с несколько новой точки зрения. Подобно тому как в изучении диалектизмов не следует говорить об общей системе языка, потому что сами диалектизмы не составляют какой-либо системы (стр. 94), специалист по исторической диалектологии интересуется не причина изменения, а причина образования ареала по данному признаку. С одной стороны, это как будто устраняет проблему языкового развития или помещает ее на второй план. Однако косвенным образом эта проблема постоянно присутствует в изложении конкретных языковых изменений, являясь тем эвристическим подтекстом, без которого обсуждение вопроса о генерации изоглосс оказалось бы непродуктивным. Степень разработанности

того или иного вопроса, характер доказательств, имеющих в литературе, достоверность собранного материала — все в конечном счете оказывает влияние на самый набор языковых явлений, привлеченных к исследованию, на их оценку, на их рассмотрение в плане определенного синхронного варьирования. Ф. П. Филин постоянно подчеркивает разную доказательную силу тех или иных фактов (но не в сопоставлении разных уровней: лексические изоглоссы для него столь же важны, как и фонетические — несмотря на их пестроту и частую факультативность), указывает на трудности изучения тех или иных языковых уровней (по этой причине грамматические материалы количественно и качественно уступают фонетическим и лексическим материалам).

При рассмотрении конкретных вопросов автор стремится заполнить исследовательские лакуны: если по обсуждаемым проблемам представлено мало иллюстративных примеров — он добавляет собранные и тщательно им проверенные материалы (см. разделы, посвященные аканью — стр. 121 и сл., переходу *e* в *o* — стр. 191 и сл., цоканью — стр. 257 и сл., и особенно главу, посвященную лексическим диалектизмам); если материал противоречив — он проводит специальное обсуждение фактов с целью их интерпретации, выясняя, отражают ли расхождения во мнениях противоречивость самого материала или его ошибочную расшифровку. В крайнем случае он воздерживается от окончательного решения, оставляя вопрос открытым. Так, например, обстоит дело с цоканьем (стр. 265 и сл.) или с восточнославянскими рефлексивами напряженных редуцированных (стр. 242). Есть основание полагать, что консонантная корреляция по мягкости — твердости первоначально охватывала не всю восточнославянскую территорию, и соответствующее расхождение длительное время образовывало диалектную изоглоссу; тем не менее Ф. П. Филин не включает эту особенность в свое рассмотрение (стр. 304; ср., впрочем, рассуждения на стр. 310). К этой же группе относится множество морфологических изменений (стр. 441, 468) и некоторые синтаксические (стр. 476), а также акцентологические расхождения, которые в принципе могли давать изоглоссы (и на самом деле их давали), но пока еще не описаны с достаточной степенью надежности (см. стр. 369, 394, 401, 409, 438 и мн др.). Возможно недоверие автора к уже имеющимся работам в этой области продиктовано присущей ему осторожностью в выводах, которые он не может проверить лично, однако отсутствие например, акцентологических изоглосс воспринимается как досадный пробел.

Синтетический характер монографии сказывается и в том, что к обсуждению привлекаются любые точки зрения и ги-

потезы, все материалы и толкования фактов. Исследование Ф. П. Филина не страшится встречи с оппонентами — потому что и в этом столкновении автор рассчитывает найти дополнительные аргументы и факты в пользу своей концепции. Мы получаем полный свод критически проверенных сведений.

«В изучении происхождения языков, их исходных основ историческая диалектология — важнейшая, определяющая дисциплина» (стр. 4). Этим, собственно, и определяется общий замысел книги, ее построение, характер изложения и конечные результаты. Автор уверен, что «диалекты с четко очерченными границами — плод лингвистической абстракции, а не лингвистическая реальность» (стр. 63); особенно верным это кажется для древнейших периодов. «На самом же деле таких монолитных диалектных единиц в древнерусскую эпоху не существовало. Разного рода изоглоссы обычно не совпадали друг с другом, пересекая восточнославянскую территорию в разных направлениях. Если даже предложенные нами в настоящей книге реконструкции не выдержат испытания временем и будут заменены другими, от этого, как я уверен, общая картина диалектного состояния древнерусского языка мало в чем изменится. Древнейшие изоглоссы хронологически разного происхождения, причем в позднее время они подверглись серьезным изменениям» (стр. 630). Само обозначение диалектных зон по административным признакам («смоленско-полоцкие», «ростово-суздальские» говоры и т. д.) «относится к истории и географии, а не к лингвистической единице»; изучение не системы диалекта, а только его «особенностей» приводило исследователей к тому, что диалект «оказывается не лингвистическим, а только географическим понятием» (стр. 87).

Напротив, Ф. П. Филина интересуют причины все новых диалектных членений, различные этапы в развитии диалектных особенностей, характер и объем диалектных различий в древнерусскую эпоху, их отношение к истории народа и т. д. В книге конкретно-исторически, применительно к каждому факту изучаются названные вопросы.

Диалектное варьирование возникло в результате неравномерного развития системы, являясь следствием хронологического несовпадения одних и тех же процессов (см. иллюстрации на стр. 201, 215, 219, 220, 357 и др.), в результате непрерывного взаимодействия языков и диалектов (стр. 341), проявляясь в изменениях отдельных слов и морфем (стр. 217). Поэтому исследователь имеет право и даже обязан проследивать различные этапы в развитии диалектных особенностей; так фонетические особенности группируются в три разряда в зависимости от времени их образования, надежности

проявления или отдаленных последствий в образовании новых диалектных различий (стр. 342 и сл.; по-видимому, изоглоссы II, 1 на стр. 349 и II, 12 на стр. 352 следовало бы отнести к I группе различий, а II, 11 на стр. 352 — к III, также III, 6 на стр. 355 скорее относится ко II группе изоглосс, поскольку связано с изменением II, 6).

Древнерусские диалектные зоны (в понимании Ф. П. Филина) различались не только наличием — отсутствием какой-либо особенности, но и регулярностью — нерегулярностью того или иного явления, разной его частотностью (стр. 303, ср. 216), различными проявлениями одного и того же изменения (например, изменениями редуцированных или ближайшими следствиями их утраты).

Толкование диалектных признаков в книге до конца лингвистично. Ф. П. Филин говорит о постепенном «нарастании диалектизм» (стр. 634), о «накоплении локальных языковых признаков» (стр. 527), что представляет собою «длительный исторический процесс» (стр. 636), в течение которого «народный язык» начинает «развиваться только по ему присущим внутренним законам» (стр. 638). Это самое общее определение, видимо, и следует понимать как признание того факта, что общим источником диалектной новации всегда является развивающаяся система данного языка. Поскольку автора «прежде всего интересуют не логические возможности, заложенные в языковой системе, а действительные реализации языковых изменений» (стр. 95), сугубое внимание к факту и трезвое отношение к его интерпретации в конечном счете приводит к системе, которая развивается — но приводит со стороны факта, а не гипотезы, со стороны изменения, а не его условий и предпосылок, ретроспективно, а не на основе дедуктивных операций.

Постепенное накопление первоначально несущественных диалектных различий приводит к образованию сложной системы частных изоглосс — воображению она напоминает старинное зеркало, которое покрывается патиной и сетью неуловимых трещинок, прежде чем расколоться — не без посторонней помощи, в данном случае, не без ввелингвистических факторов, которые являлись «социальной базой реализации закономерностей, заложенных в самом языке» (стр. 638). Как для более ранних эпох (рассмотренных в предыдущей книге) ни общность археологической культуры, ни более или менее достоверный антропологический тип, ни общность прародины, географические границы которой менялись во времени, а только языковое единство может служить критерием этнической общности, так и в феодальную эпоху, по мнению автора, «современные восточнославянские языки возникают не на базе племенных подраз-

делений и феодальных княжеств» (стр. 634) — последние только способствуют образованию диалектных изоглосс, но не создают их. История народа действительно связана с историей языка, но только общностью языка определяются границы этноса. По этой причине «пополнение наших знаний об истории народа посредством лингвистических данных — высшая цель исторического языкознания» (стр. 87).

Такая постоянная «лингвистическая непрерывность» древнерусской и генетически связанных с ним современных восточнославянских языков, этот постоянный и плодотворный акт языкового творчества, неуловимые во всех деталях линии внешней истории языка приводят автора, с одной стороны, к композиционному отстранению от внутренней истории языковой системы, а с другой — к явному нежеланию омертвить эти живые нити изменения, ограничивая их определенным диалектом, или говором, или зоной. По-видимому, в этом можно видеть причину того, что даже в заключение автор не дает реконструкции основных диалектных зон древнерусского языка хотя бы по «пучкам» важнейших изоглосс и хотя бы применительно к какому-то одному синхронному срезу. Впрочем в данном случае свое значение имеет и интерпретация лексических изоглосс, специфический характер которых распространяется автором на все виды диалектизмов, вызывая к ним (к каждому по отдельности) некоторое недоверие. По той же причине автор справедливо не доверяет тем концепциям, которые слишком многие диалектные изменения приписывают влиянию иноязычного субстрата (стр. 250, 265, 311, 336 и др.).

Сказанное определяет также отношение Ф. П. Филина к материалу и источнику исторической диалектологии. Автор стоит на реальной почве фактов, понимая под ними данные современных говоров и письменных памятников русского языка (особое внимание уделено берестяным грамотам, граффити, разного рода надписям, точнее всего отражающим разговорный язык своего времени<sup>2</sup>. Факты языка в исключительных случаях могут быть дополнены анализом структуры языка (стр. 212), которая при этом также становится фактом для исследования. Но это делается очень редко, потому что языковую систему нужно предварительно реконструировать. Повышенная же требовательность автора к безукоризненно проверенным фактам заставляет его отказываться и от очевидных проявлений «структуры языка». Так, приходится настаивать на том, что для реализации глас-

<sup>2</sup> Обоснование этого см.: Ф. П. Филин. Об одном важном источнике истории русского языка, в кн.: «Вопросы теории и истории языка» II., 1963.

ных в древненовгородских говорах важна была структура слога (открытый — закрытый), а не характер последующего согласного (твердый — мягкий, стр. 232), и именно с этим связаны условия проявления здесь так называемого нового *ѣ*; ориентация же только на характер последующего согласного противоречит засвидетельствованным изменениям: в северо-восточных русских говорах, для которых как раз издавна характерна зависимость гласного от характера последующего согласного, новый *ѣ* не фиксируется столь же рано.

Диалектизмы грамматического уровня, привлеченные к исследованию, связаны с формой слова или предложения, с вариациями плана выражения, очень часто основанными на фонетических же (основных для автора) изменениях (см. разделы, связанные с обобщением основ, стр. 377 и сл.), с выравниванием флексии у местоимений (стр. 426), с глагольными флексиями (стр. 438—468) и т. д. Лексические изоглоссы также строятся, в основном на уровне лексемы, а не семы (ср., впрочем, стр. 525, 550, 553 и некот. др.). Таким образом, в качестве доказательного лингвистического факта в книге принимается форма, знак, обозначение, но не значение лингвистической единицы, потому что это последнее требует иных критериев оценки достоверности и очень редко способно давать изоглоссу. «А если нет материальных доказательств, то любая, даже самая остроумная гипотеза будет не больше догадки, которую можно принимать во внимание, а можно и нет» (стр. 188).

Как и в других исследованиях по исторической диалектологии, из монографии намеренно изъята группа данных, связанных с консолидирующим воздействием литературного языка. Например, здесь не рассмотрены возможные диалектные вариации различных форм прошедшего времени в период становления современной видо-временной системы, некоторых типов причастий и т. д., которые наиболее четко представлены как раз в литературных текстах. Это тема следующей части трилогии. Тем не менее, учитывая это обстоятельство, следовало бы точнее sobлюсти и ориентацию на источники, отражающие разговорную речь. В частности, не следовало бы безусловно доверять в этом смысле тексту летописи, потому что она представляет собою сборник текстов разного жанра: летописное *лимень* на самом деле вынесено из древней «Повести о том, како крестися Володимѣрь возмзя Корсунь» (стр. 530), *рѣнь* — из жития Владимира (стр. 532), *лѣплькъ* — из Киево-Печорского патерика (стр. 555) и т. д.

Зато как бы в возмещение указанных лакун каждая включенная в исследование диалектная особенность рассмотрена на широком фоне всей славянской территории, ибо в соответствии с целями иссле-

дования автору важно показать и те диалектные особенности живого разговорного («народного») языка, которые выходят за пределы современных восточнославянских языков, потому что возникли еще до формирования этих языков. В распоряжении автора и сравнительные данные других славянских языков, и монографические исследования по частным темам исторического изменения.

В связи со сказанным ясно, что перед нами не опрокинутая в прошлое лингвистическая география современных восточнославянских языков, а собственно историческая диалектология со своим предметом, целями и методами исследования, со своими предварительными результатами. Это не ретроспекция со стороны современных говоров, а изучение последовательного членения на восточнославянской территории.

С этим же связано преимущественное внимание не к современному говору, а к историческому источнику. Возможности лингвогеографии в историческом исследовании — более чем скромные — оцениваются по заслугам, но не преувеличиваются. Данные современных говоров предварительно должны быть расшифрованы, и только тогда их можно включить в историческое исследование в качестве факта: непосредственное соотнесение диалектных данных с историческим изменением чревато преувеличениями, как это хорошо показано на примере интерпретации некоторых типов безударного вокализма (стр. 106—107, 126, 130, 256, 272 и др.). Внутренняя реконструкция только тогда доказательна, когда исходные факты верно истолкованы, чего нет, например, в известном случае с установлением относительной хронологии современного *аканья* (стр. 104—105; некоторые возражения Ф. П. Филина можно найти еще в ранних работах Л. Л. Васильева, ныне незаслуженно забытых).

Книга Ф. П. Филина восстанавливает доверие к историческому источнику — «древнерусская письменность является первостепенным источником для исторической диалектологии... Локализация диалектизм основывается прежде всего на массовости свидетельств (та или иная особенность встречается не в одном или двух памятниках, а во многих) и на совпадении географии изучаемой особенности в древней письменности и современных говорах (если, конечно, древнерусский диалектизм дожил до наших дней)» (стр. 92, ср. стр. 164, 321 и др.).

Несправедливо отклонять «странности» древнерусской орфографии как не отражающие языковое изменение (стр. 124—125); подобные исключения необходимо расшифровать, потому что «пренебрежение, мягко выражаясь, не есть лучший способ объяснения фактов» (стр. 170). Конечно, «нормы древнерусского произношения с трудом пробивались через бро-

ню орфографического наследства» (стр. 239); некоторых нарушений орфографического эталона вообще невозможно себе представить из-за ограниченности графических средств древнерусского письма (так обстоит дело с передачей *z* и *γ* — стр. 251, *в* и *ш* — стр. 290, дзеканья — цеканья — стр. 313 и мн. др.); все это невероятно осложняет анализ и с самого начала лишает нас возможности получить достоверную информацию относительно некоторых элементов системы. Однако сами по себе неоднократные, часто повторяющиеся факты нарушения традиционной орфографической системы должны настораживать и вызывать желание их расшифровать (стр. 239). Отклонение от орфографии, позиционно обусловленное смещение букв имеет «фонетическую значимость» (см. толкования на стр. 123, 207, 290, 310 и др.), и только изменения, не давшие в результате никакого фонематического различия, никогда не находили отражения на письме (стр. 189). Если же вдобавок отклонения от орфографической нормы совпадают с современным произношением слова или формы, никаких оснований для скептицизма относительно фонетического характера таких отклонений не должно оставаться (стр. 189, также 193 и др.). Впрочем во многих случаях имеется только видимость связи древнерусского и современного диалектного факта, и их не следует объединять причинно-следственной связью (ср. пример с древнерусским новым *ѣ* в *дѣнь*, *тепѣрь* и современным диалектным произношением *д'ин'*, *топ'ир'* на стр. 231). По этой причине для Ф. П. Филина характерно внимательное изучение динамики орфографических навыков древнерусского писца (ср. раздел, посвященный второму полногласию, и обсуждаемые там вопросы передачи сложного фонетического сочетания), желательного в статистически точном варианте (стр. 216, 257 и др.). Объективным критерием фонетического характера изменения, давшего изоглоссу, для него является отражение такого изменения только на ограниченной территории или только в одно время с другим, параллельным ему, но действительно фонетическим изменением (причем в той же самой позиции): так, перегласовки *e* > *o* и *a* > *e* происходят одновременно и сначала только в позиции после шипящих и йота — и это служит достаточным основанием для признания фонетического характера второй (*a* > *e*) перегласовки. Так же параллельно рассмотрены изменения, связанные со II и I полногласием, со смещением аффрикат и параллельным ему смещением шипящих со свистящими и т. д. В этом проявляется специфический для исторической диалектологии системный подход к фактам.

Изложенные критерии лингвистического анализа письменных источников не представляют собою ничего нового, но,

использованные последовательно и строго, дают весьма внушительное представление о возможностях древнерусского источника. Значение комплексной методики, представленной в книге, повысится, если учесть, что здесь используются результаты внутренней реконструкции, анализ лексикализованных фонетических закономерностей или отражения фонетических изменений в заимствованной лексике, учитываются условия, «механизм», причины, последовательность опорных для исторической диалектологии фонетических изменений, выявляется относительная и по возможности абсолютная хронология изменения. Впрочем для ранних изоглосс, по-видимому, принимается чересчур отдаленная датировка; так, изменения типа *květ-* > *cvět-* или изменения в группах *tl*, *dl* относятся здесь к III — IV вв. н. э., тогда как большинство современных исследователей по различным основаниям принимает в качестве возможного времени изменения VI — VII вв. н. э. для первого и VII — VIII вв. н. э. для второго преобразования. Другие замечания касаются частностей. Например, самые ранние примеры мены букв *в* и *у* из древнерусских памятников до середины XII в., по-видимому, не могут быть интерпретированы как отражающие «мену» *в/у*, поскольку написания *Паоуль*, *Аугуста* передают произношение заимствованных слов, а *оуселену*, *въгодити* и под. могут быть результатом совмещения различных приставок и основанной на этом ложной этимологии (стр. 291) — такие написания и встречаются в русских рукописях вплоть до XV в., в том числе и не отражающих «мены» *в/у*. Смещения слогов типа *ра* — *рѧ* или *рѧ* — *рю* в рукописях XI в. также осторожнее было бы связывать со вторичным смягчением согласных, а не с отвердением [р'] (стр. 314—315).

Гораздо сложнее обстоит дело с теми признаками диалектного варьирования, которые могут быть поняты только на фоне действующей языковой системы. Прежде всего это относится не к диалектным признакам изменения или «смещения» фонем и не к различным фонетическим реализациям той или иной фонемы, а к проявлениям синтагматического изменения фонем, к числу которых относятся и аканье. По-видимому, истолкование таких признаков в границах лишь исторической диалектологии оказывается недостаточным. Попробуем показать это на примере безударных гласных.

Ф. П. Филин абсолютно прав, подчеркивая специфичность православного «аканья», не связанного с редукцией безударных гласных (стр. 346), а обязанного чисто парадигматическим соотношениям дифференциальных признаков в вокалической системе (отсутствие ДП по лабиализации и включение в систему этого ДП, различным образом проте-

кавшее на разных праславянских территориях). Однако из этого вовсе не следует отрицание связи аканья и редукции для другой, более поздней системы (и притом редукции не обязательно количественной: есть основания предполагать качественную редукцию безударных гласных, связанную с признаком напряженности), где сами принципы контекстуальной нейтрализации становятся иными. Если «сторонники гипотезы позднего происхождения аканья неправомерно игнорируют праславянскую фонологическую систему» (стр. 113), вряд ли следует обратным образом повторять их ошибку и настаивать на «типологическом» сходстве всякого варианта «аканья». В этом смысле любые попытки фонологической интерпретации конкретно-исторического варианта аканья, напротив, следует признать плодотворными, даже если покамест они не обоснованы всесторонне (ср. высказывание Ф. П. Филина на стр. 108). Особенно интересное толкование предложено В. К. Журавлевым, по-видимому, нашедшим принципиальную разницу между праславянским и русским аканьем<sup>3</sup>, которая основана на нейтрализации по разному признаку. В других случаях также можно обнаружить некоторые противоречия в изложении древнерусских фактов, и они всегда связаны с синтагматическим изменением фонем (ср. еще отрицание фонетической дистрибуции фонемы *ǣ* в XI в. на стр. 161 и ее признание на стр. 164—165).

Все это приводит к мысли, что пределом компетенции исторической диалектологии является та лингвистическая единица плана выражения, которая способна самостоятельно служить средством диалектного разграничения: фонема, морфема, лексема. Более того, соединяя вместе все описанные в книге признаки диалектного варьирования, легко обнаружить, по

<sup>3</sup> В. К. Журавлев, О праславянском кратком *ǣ/o* и аканье, в кн.: В. И. Георгиев, В. К. Журавлев, Ф. П. Филин, С. И. Стойков, Общеславянское значение проблемы аканья, София, 1968, стр. 41 и сл.

каким именно признакам синхронной системы намечается диалектное варьирование — эти признаки периферийны по отношению к действующей системе, которая одна и представляет собою на каждом синхронном срезе действительный язык. Диалектное же варьирование организуется на признаках, преобразующих эту систему. Это ясно уже из того, что временные диалектные признаки впоследствии утрачиваются потому, что связаны с развивающейся системой (см. примеры, приведенные выше: преобразование редуцированных и т. д.). Вот почему для исторической диалектологии система каждый раз оказывается неуловимым феноменом — но это не значит, что на других уровнях описания следует отказываться от всяких попыток ее реконструкции. Разумеется, такая реконструкция предполагает уже совершенно другую точку зрения на материал и на принципы его исследования.

Последующие разработки в области русской исторической диалектологии, солидной базой которых явится монография Ф. П. Филина, внесут некоторые уточнения в конкретные ее результаты — автор и сам рассчитывает на такую возможность. Будет всесторонне оценена эмпирическая база книги. В нашу задачу входит лишь дать общую оценку теоретическим принципам построения восточнославянской исторической диалектологии. Разумеется, можно спорить с автором в истолковании отдельных особенностей изменения, отводить некоторые факты или досадовать на опечатки (особенно многочисленные в сносках), однако совершенно ясно, какое большое значение эта монография имеет для современной разработки исторической диалектологии. Это не просто итоговый труд по теме, которая в последнее время выходит на повестку дня; работа Ф. П. Филина вместе с тем указывает направление поисков, возможности исторической реконструкции диалектного членения языков, сформировавшихся «на глазах истории». Это направление историческое.

В. В. Колесов, В. М. Марков

**М. М. Гухман.** Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. — М., изд-во «Наука», 1970. 275 стр.

Лингвистическое исследование немецкой политической литературы XVI в. находится как бы в центре пересечения различных дисциплин и, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. С одной стороны, проблема «Язык и политика» весьма актуальна в наши дни, ибо в последнее время за-

дачи лингвистики значительно расширились и вышли далеко за пределы анализа системы языковых знаков в узком смысле — на первый план все более и более выступает изучение конкретного акта коммуникации, исследование и описание классов коммуникационных ситуаций. Тем самым становятся очевидными и део-